

В Л А Д Л Е Н

ПОМНЮ

Владлен Помню

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64831992
Помню. / Владлен: Общенациональная ассоциация молодых
музыкантов, поэтов и прозаиков; Астрахань; 2021
ISBN 978-5-907379-44-2*

Аннотация

Настоящая книга – воспоминания автора, выходца из простой еврейской семьи, о жизни в довоенном и послевоенном Советском Союзе.

Описывая часть своего жизненного пути, рассказывая о себе, своей семье, друзьях и коллегах, поднимая глубокие и вечные вопросы бытия, заставляя читателя думать и сопереживать происходящим событиям, автор в простой и увлекательной форме подводит к пониманию причин и мотивов, которые в конце концов побудили его эмигрировать из Страны Советов в Израиль и обрести в другом государстве свою новую родину.

Книга предназначена для широкого круга читателей и будет интересна всем, кто интересуется историей Советского Союза, охватывающей период с начала 30-х до середины 70-х годов XX столетия.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владлен Помню

© Владлен, 2021

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2021

Глава 1

Если бы только можно было написать о пройденном мной жизненном пути кратко, сжато! Но нет, это просто невозможно, не получится, ибо сам по себе жизненный путь – длинный, извилистый, с подъёмами и спусками, удачами и неудачами, радостями и разочарованиями. Не получится и потому, что на нескольких листах бумаги не поместить всего, что прожито, пройдено и не забыто.

Родился я 11 июля 1931 года. Отец, выходец из простой еврейской семьи, с молодости увлёкся марксизмом-ленинизмом. Рано покинув родительский дом, вступил он в ряды комсомола, а в 1924 году – в компартию и стал ярким пропагандистом и носителем коммунистических идей, вплоть до последних дней своей жизни. Родился он в 1905 году. В 1933 году окончил литфак Киевского университета. У отца были два брата (старший Лёва и младший Гриша) и две сестры: Маня (старшая) и Поля (младшая). По неизвестным мне причинам отец не поддерживал родственных контактов с сёстрами. Думается мне, что причиной тому было отречение его матери и сестёр от еврейства: они стали евангелистами. Соответственно, и наша семья относилась к ним с холодком, хотя мне запомнились редкие посещения их дома. Мы жили на улице Энгельса, 13, а бабушка – на той же улице в доме № 17. Что же до старшего брата Лёвы, то встречи наши

были намного чаще и приятнее. Младший брат Гриша очень любил меня и частенько заходил к нам, не забывая дать мне деньги на конфеты или мороженое. Я помню, что Лёва работал на спиртном заводе и что дома у него всегда было много спиртного. Он любил выпить, но я никогда не видел его пьяным. Помню его жену Эмму, сына Фулю (он был года на два старше меня) и дочь Шеву. Младший брат отца, Гриша, был женат на Фриде.

Мне помнится: у них родилась дочь, которая умерла малюткой из-за плохого присмотра за ней, и это явилось причиной плохих взаимоотношений. На этом семейный круг моего отца замыкается.

Мать моя – из еврейской набожной рабочей семьи, строго соблюдавшей заповеди Торы. В молодости, выйдя замуж, она немного поработала, а затем стала домохозяйкой и воспитывала детей. В семье матери я был любимым ребёнком, и меня частенько отвозили к бабушке Масе и дедушке Ефиму в Бердичев. В семье Добисов было семь детей. Помимо моей матери Мани, которая была средней дочерью, я хорошо помню только старшего сына Юзю, старшую дочь Соню, дочь Рахиль и сына Яшу. С ними я был близок, они меня любили, и я их любил. Эти родственники всегда и постоянно были с нами и в радости, и в печали. Я рос у них на глазах, а они на моих глазах старели. Я помню их в довоенный период, в период страшной Великой Отечественной войны и в послевоенные годы до моего отъезда в Израиль.

Бабушка и дедушка – идеальный образ простой, трудолюбивой и верующей еврейской семьи. Печник по профессии, дед запомнился мне высоким, стройным, сильным с голубыми глазами и стриженной бородой и кипой на голове. В памяти моей осталось несколько эпизодов из того времени, когда мне было четыре года или пять лет, а возможно, и меньше. Помню, как отвозили меня в Бердичев к бабушке Мاسя и дедушке Ефиму. Были голодные годы, а у них была своя корова, и бабушка заставляла меня пить парное молоко. Помню, как мы с бабушкой принесли дедушке на стройку дома покушать и застали его, поднимающегося по лестнице вверх, с козлами на плечах. Я окликнул его, и он, остановившись, улыбнулся, затем знаком руки показал, что сейчас спустится. Он любил гулять со мной и рассказывал уйму небылиц, дабы доставить мне удовольствие.

Помню, как в 1936 году в наш дом въехал вернувшийся с семьёй из Германии профессор Соскин, став нашим соседом. Он же принимал позднее, в 1937 году, роды у моей матери, родившей мне сестру Лену.

Помню, когда я был четырёхлетним мальчишкой, мне купили машину с педалями, и начались с того дня радости и разочарования. Радости от того, что, гуляя по центральной улице Киева, Крещатику, все ахали и охали, восхищаясь ездой красивого мальчишки на машине, бывшей в ту пору редкостью. А разочарования начинались каждый раз, когда, возвращаясь домой, приходилось таскать машину в гору по кру-

той улице Энгельса. Я же помочь ничем не мог, ибо с трудом доставал до педалей.

Помню, как однажды отец и мать взяли меня зимой в театр имени Ивана Франко, где должно было состояться собрание политработников. Нас в зал не пустили, сказав, что вход с детьми запрещён. Мы стояли в стороне, и отец должен был решить, что делать. В это время к отцу подошёл первый секретарь Киевского обкома ВКП(б) Павел Постышев. Он вежливо поздоровался с матерью и поцеловал её руку. Затем наклонился ко мне и поинтересовался, как меня зовут. Я ответил ему. Он с улыбкой похлопал меня по спине и спросил, почему мы не заходим. Мать объяснила, опередив отца. Постышев, недолго думая, нагнулся ко мне и говорит: «Ну-ка влезай под мой тулуп и иди в ногу со мной, а то вместе упадём». И что вы думаете? Так я и прошёл с ним.

Помню, как отец взял меня на празднование Нового года в клубе трамвайного депо на Лукьяновке, где была установлена новогодняя ёлка. Всё было очень красиво и продумано, кроме одного: случился пожар. Запомнилась паника, бегущие из клуба люди, испуганные лица детей и взрослых. Помню горящего Деда Мороза, которого так и не удалось потушить. Как сегодня, помню эту страшную картину.

Помню себя в матросском костюме, исполняющего танец «Яблочко», также помню себя в черкесском костюме с кинжалом, исполняющего лезгинку. Помню и мою лошадь, на которой качался. Помню, как мать собирала детей, дабы по-

кормить меня во время звонких детских игр. Она рассказывала разные небылицы, завлекая меня, и, пользуясь моментом, кормила. Помню детсад имени Клим Ворошилова. Помню, как до рождения сестры Лены я катался на санках и свалился с горы, не успев затормозить. Я ударился головой о какую-то строительную машину. На крики детей прибежала мать, ухватила меня и внесла в аптеку, где мне оказали медицинскую помощь. Помню папиного младшего брата Гришу. Завидев меня на улице, он давал мне деньги на мороженое. Помню дядю Васю Дьякончука и тётю Лесю. Дядя Вася работал с отцом, а тётя Леся – учительницей. Помню, как дядя Вася при каждом посещении нашего дома давал мне рубль, и помню, как я собирал эти деньги в копилке. Помню, как была организована поездка на охоту на куропаток. Остановились у лесника, разложили громадный ковёр и на этом ковре кушали приготовленную дичь. Отец работал тогда в обкоме партии.

Запомнились мне и ночные аресты 1937 года. Чёрные эмки, прославившиеся как воронки. Помню агентов КГБ, одетых, как правило, в кожаные куртки, и шныряющих по квартирам. Помню крики, плач женщин и детей во время их посещений. Все знали, что девять из десяти увезённых не вернутся. Помню, как Дятлов, начальник отделения пожарной охраны Печерского района, не пустил «чёрных воронов» в дом и стал стрелять. Я же был дружен с его сыном Валеём. Забрали его, и, куда он девался, никто не знал и по сей день

не знает.

Однажды поздно ночью постучали и к нам в дверь. И, хотя никто из нас не спал из-за шума и криков во дворе, мы затихли. На миг и у родителей, и у меня от страха затаилось дыхание. Отец встал с постели и направился к двери. Я соскочил с кровати и следил за происходящим из-за угла стены.

– Это я, дворник Борис Михайлович. Тут работники КГБ приехали кое-кого арестовать, а он не даёт, сопротивляется. Так вот, они хотят позвонить от вас по телефону.

Отец открыл дверь, схватил таз с водой, стоящий под умывальником с соском, и с диким матом надел его на голову дворника. Это была его разрядка после столь напряжённых, полных неопределённости минут.

– Вон к ё...ной матери! – заорал он и, конечно, позвонить не дал.

Впоследствии в одну из таких тревожных ночей забрали и моего отца. Помню слёзы и крики матери. Все мы были беспомощны, и никто не мог что-либо предпринять. Всё и вся было в руках карательных органов. Отец чудом вернулся, но с поломанными от пыток пальцами на левой руке. Его хотели заставить подписать признание в шпионаже в пользу Польши.

Помню, какую ненависть вызвала у меня советская власть. Эта ненависть сохранялась во мне вплоть краха всей коммунистической своры в России и других странах-сателлитах. Я

всегда верил, был убеждён в том, что рано или поздно распадётся всё то, что создано силой, и что каждая из республик, входящих в пресловутый Союз, а также страны с насильственно насаженным социализмом выберут для себя строительство новых, свободных, демократических обществ.

Финская война. Отец – политрук танкового батальона. Суровая зима и ожесточённые бои и человеческие жертвы. Всё это пришлось пережить и нашей семье, которая постоянно тревожилась за судьбу отца.

Война за освобождение Западной Украины. Помню, как отец по окончании войны привёз нам, мне и сестре меховые шубки. Помню, как отправляли в Германию мясо, сало, яйца, хлеб, тщательно откармливая развязавших по всему миру войну немцев.

В 1938 году я пошёл в первый класс средней школы № 86. Наша классная руководительница, Галина Алексеевна, была очень красивой. Я был просто влюблён в неё. Я прижимался к ней, как кот, в поисках ласки. Из-за Галины Алексеевны в школу я всегда бежал. Но занятия были на втором плане, и поэтому я часто приносил домой дневник с записями учительницы. Конечно, меня наказывали, лишая выходов на улицу и прочих мероприятий.

Помню, мать однажды попросила меня присмотреть за сестрой в коляске. Я не оставлял коляску и со всей серьёзностью выполнял свои обязанности. Подошёл мой приятель Валя Дятлов и, заглянув в коляску, дотронулся до сестры.

Реакция моя была мгновенной. Я схватил камень и запустил его в Валу, угодив ему прямо в бровь. Кровь брызнула, затем раздался дикий крик мальчика. Он испугался и убежал домой. Ну а я, растерянный и испуганный, не знал, что мне предпринять и как быть. Я хотел убежать, спрятаться, но не мог оставить сестру одну без присмотра. Я стал звать мать. Та же подумала, что с сестрой что-то случилось. Когда мать оказалась рядом с коляской, я вихрем убежал домой и спрятался под кроватью. Долго я там не пролежал, ибо и мать моя, и мать Вали зашли вместе в квартиру, а мне пришлось предстать перед судом. Конечно, меня наказали, конечно, я просил прощения, и, конечно, я очень сожалел о содеянном. Мы остались с Валец друзьями, и разлучила нас только война 1941–1945 годов.

Позднее, когда сестрёнка Лена начала ходить, я по своей неосторожности слегка толкнул её, и она присела на включённую электрическую печку. Помню, как она кричала, помню как мать прикладывала что-то к её мягкому месту.

Помню, как однажды отец и мать ушли в ресторан, оставив меня дома одного. На крики мои сбежались соседи. Они успокаивали меня, пытающегося вылезти через окно и спуститься по дереву вниз. Я плакал не от страха перед тем, что меня оставили одного. Я плакал оттого, что родители ушли без меня. Мол, как они посмели вообще не взять меня с собой?.. Так я был приучен. Не забыл я, как мать прятала меня, больного скарлатиной, в шкафу для одежды, когда приехала

машина, чтобы забрать меня в больницу. Болезнь эта была инфекционная. Меня так и не нашли.

Помню, как мать зашла в аптеку что-то купить, а я остался её ждать. И пришло же мне в голову покататься на железной двери аптеки! Кончилось это тем, что палец мой попал между дверью, как результат – ранение, и кровь, и крики, и истерика.

Да, это был 1936 год, шла Гражданская война в Испании. Я помню, как привозили испанских детей в пилотках с кисточками. Дети эти ходили строем по улицам города. Помню, как уезжали в Испанию добровольцы, чтобы принять участие в так называемой войне за народную власть, за свержение диктатора Франко. Много добровольцев не вернулись домой и нашли своё последнее пристанище на чужой земле ради коммунистического призыва.

Мне запомнился военный парад на Крещатике и то, как я наблюдал с трибуны за танком, у которого соскочила гусеница. Он крутился на одном месте, преградив дорогу танкам, следующим за ним. Был скандал, и я думаю, что кто-то заплатился за это.

Измаил, 1939–1940 годы. Партия отправила отца наводить соцпорядки в освобождённой Бессарабии, в город Измаил. Мы приехали позднее. Проживали в доме бывшего адмирала румынского флота. Это был громадный дом. Каждый день рано утром привозили молочные продукты, сифоны с газированной водой и прочие съестные припасы. В под-

вале стояла большая бочка с квашеной капустой и антоновской, которую я очень любил. Рядом стояла бочка вина со шлангом, к которому я порой присасывался. Гуси гуляли по двору. Помню, как привезли нам бочонок дунайской сельди. Вкус её я не могу забыть до сегодняшнего времени.

Помню, как влюбился в девчонку-одноклассницу. Я частенько посещал её дом, и ко мне совсем неплохо относились её родители. Отец её был морским офицером, и в их доме можно было видеть уйму вещей, напоминающих о его морской службе.

Однажды с приятелем по школе мы решили пасануть и не пойти в школу. Свободное время мы провели, взобравшись на башню большого брошенного под давлением советской власти собора и начав бить в колокола. Звон привлёк внимание многих жителей, ставших забывать мелодии церковного служения. В недоумении они стали собираться у собора. Мы же задумали звоном спугнуть сотни голубей, но не более того. Сбежали мы очень вовремя. Собралось очень много людей. Приехали представители милиции, но мы уже стояли внизу среди толпы любопытных людей и радовались тому, что натворили.

Помню страшное землетрясение в Кишинёве и его трагические последствия. Отец взял меня с собой. Я видел разрушенный город, панику, плачи и страдания людей, находившихся в поисках родных и близких. Ужасно было смотреть на груды разрушенных домов, поглотивших тысячи людей.

Помню, как высылали евреев в далёкую Сибирь. Помню, как мать скупала у выселенцев постельные принадлежности. Помню, как отца однажды привезли больным, с очень высокой температурой, и, чтобы спасти его, врач попросил две простыни и ведро воды. Он намочил простыни и обернул ими отца. «Пусть лучше получит воспаление лёгких, чем мы его потеряем», – сказал врач. И действительно, врач выходил отца и поставил его на ноги.

Помню, как в школе сидящий за мной мальчишка обрызгал чернилами мой новый костюм и, конечно, меня тоже. Долго не раздумывая, я засадил ему в руку восемьдесят шестое перо моей ручки. Больше я с этим парнишкой не встречался, но дома убедить родителей в своей невинности не смог и получил, как выразилась мать, по заслугам.

Глава 2

Прошёл год. Всё яснее стали разговоры о приближающейся войне. Немцы оккупировали почти всю Европу. В апреле 1941 года отец решил отправить нас в Киев. Совсем недолго нам довелось побыть там, ибо 22 июня в четыре часа утра раздалась первая воздушная тревога. В этот злополучный день немцы бомбили киевский речной порт. В этот же день погиб Женя Горбачёв, наш сосед, парень, которому исполнилось всего восемнадцать лет; и этот первый день его призыва стал для него последним днём жизни. Он погиб, но в памяти моей навсегда запечатлелся образ этого замечательного парня, у которого многому можно было поучиться, и я всегда старался ему подражать.

Тревоги с каждым днём учащались, а вместе с ними стали учащаться и взрывы падающих бомб. Город превратился в полигон, а жизнь в городе стала очень и очень тревожной.

В один из таких тревожных дней выступил Молотов, заявив о внезапном нападении Германии, именно той самой Германии, с которой наш вождь Иосиф Сталин так подружился и договорился о разделе Польши. И вот эта Германия в один день превратилась в фашистскую, нацистскую и агрессивную. Суматоха и паника охватили жителей Киева. Никто не видел иного выхода из создавшегося положения, кроме как собрать самое необходимое и бежать.

У парадных подъездов стали дежурить жильцы с противогазами на случай химической тревоги. В одно из таких дежурств моя мать увидела подозрительного проходившего мимо инвалида, костыли которого были сделаны из ножек стула. Мать оставила меня дежурить, а сама отправилась проследить за ним. Арестовали его пожарники. Он оказался диверсантом. Забрасывали таких десантом очень и очень много в разных концах города и его окраин. Помню, как высадился десант в Голосеевском лесу. Вылавливать десантников отправили милицию и всех, кто владел оружием. Были раненые, но выловили всех.

Помню наш побег из родного города. Это случилось экспромтом 18 августа 1941 года. К нам прибежал младший брат отца Гриша, который работал при клубе НКВД тренером по стрельбе, и сообщил, что есть машина, которая отвезёт членов семей органов внутренних дел в Харьков. Собрав самое необходимое, мы с сестрой и матерью, стоя в кузове грузовика ЗИС-5, уехали в Харьков. Мы бросили всё, что было нажито годами, и единственным нашим желанием было убежать подальше от надвигающейся катастрофы. Отец в это время находился в армии, поспешив призваться добровольно.

К счастью, в Харькове нам было где остановиться. Нас ждали тётя Соня и дядя Гриша. Я никогда не называл мамину старшую сестру тётей, а её мужа – дядей. Их обращался к ним «ты», ибо они были для нас намного больше, чем род-

ными. Пятисоткилометровый путь нам пришлось преодолеть под бомбёжками и налётами немецких самолётов. Недалеко от Харькова при очередном налёте я выпрыгнул из машины и, неудачно приземлившись, сломал руку. Пришлось терпеть сильные боли. Меня завезли в госпиталь, переполненный ранеными солдатами, гражданскими и детьми. После проверки врачей мою руку уложили в гипс. Через неделю меня выписали домой. Не забуду соседа по палате – малыша четырёх-пяти лет без ножки. Красивый, но беспомощный, он вызвал к себе мою любовь и симпатию. Я ухаживал за ним, уделяя ему много времени и внимания, стараясь хоть и временно, но заменить ему погибших родителей. Мать с сестрой проживали у родственников и довольно часто навещали меня. Помню бомбёжки Харькова, помню воюющие sireны воздушной тревоги, помню тёмные и душные бомбоубежища, наполненные испуганными людьми.

Будучи очень любопытным, во время налётов я взбирался на крышу нашего дома и с удовольствием наблюдал то ли за воздушным боем, то ли за стрельбой противовоздушной обороны по самолётам противника. Я запросто определял по звукам моторов марки немецких самолётов. Однажды повреждённый «Мессершмитт-109» упал у входа в центральный парк. Я чётко видел, как он падал, и поспешил с мальчишками к месту падения. Мы были первыми, кто приблизился к разбитому самолёту. Раненый лётчик вылез из кабины, удалился немного и упал в двадцати-тридцати метрах от

воздушной машины. Стали сбегаться люди. Кто-то подобрал немца и увлёк к машине. Это был первый немец, которого я увидел и запомнил на всю жизнь. Он был окровавлен, но мне было совершенно не жаль его. Злость руководила мной, а не жалость.

Призвался в армию и Гриша. О его призыве мы узнали от Поли – единственной сестры в семействе Сегалов. Отец отыскал нас. Приехал грязный на телеге. Он рассказал нам о предстоящем окружении харьковской группировки советских войск, о массовом дезертирстве и расправах с дезертирами. Гибли сотни тысяч людей. Отец срочно собрал нас всех и отправил к погрузке на специально выделенный эшелон для эвакуации в глубокий тыл семей военнослужащих офицерского состава. Нам предстояло посетить Казахстан, а точнее, город Кустанай в северной части республики.

Помню прощание с отцом в траншее на Холодной горе. Он дал нам десять пачек махорки и сказал, что это поможет нам в дороге. Минуты грусти расставания, плач, крепкие объятия, и вот мы в вагоне на нарах с толстым слоем уложенной соломы. В центре вагона – металлическая печь-буржуйка. На крышах вагонов – пулемёты на случай воздушного нападения. Мы себе даже не представляли, что нам предстоит пережить, сколько страха испытать и сколько ужаса увидеть. Немцы были беспощадны. Частые тревоги и налёты. В эти минуты мы оставляем вагон и быстро убегаем в любое место, которое могло стать защитой от пуль и осколков падающих

бомб. Ни дети, ни женщины, ничто и никто не могли остановить нацистов от безжалостного истребления людей.

Перед Купянском немцы разбомбили эшелон с мирными гражданами. Вывороченные рельсы, перевёрнутые вагоны, трупы женщин и детей, отдельные части тела: руки, ноги, головы. Мы помогали, чем могли, в поисках живых, но, к сожалению, таких было мало. Шесть часов мы ждали, пока очистят и отремонтируют железнодорожное полотно. Эти часы были каторгой, ибо каждая минута могла стать для нас такой же трагичной.

Я помню, как мы целый месяц продвигались на восток, и чем дальше мы удалялись от западных границ, тем больше испытывали нехватку нормальных человеческих условий. Отсутствие возможности выкупаться, освежить тело создало благоприятные условия для насекомых. Да-да, завелись вши, от которых избавиться было просто невозможно.

Помню остановки на узловых станциях, очереди за кипятком. На одной из станций мать не успела на отъезжающий поезд. Мы очень волновались, хотя старший солдат успокаивал нас, утверждая, что мать догонит нас. И она действительно догнала наш эшелон. Её посадили на проходящий пассажирский поезд. Опять мы вместе. Тётя Соня ехала в другом вагоне, и видаться с ней нам приходилось только на больших остановках. Питанием нашим были чёрные сухари и свиное сало. Чаем служил кипяток без заварки, но с кусочком рафинированного сахара. Буржуйка топилась практически круг-

лые сутки, отдавая тепло людям. Около месяца мы добирались до Кустаная. С муками, но добрались.

Сильный мороз прихватывал уши. Мы прощались с солдатами, сопровождавшими нас и ставшими нам почти родными. Никогда не забуду их ласку и заботу о нас. Они возвращались на фронт, и никто не мог предсказать их судьбу. Это были люди с большой буквы.

Нас поместили в школе. Спали мы на партах, столах, на полу. Но в памяти осталось, как нам принесли белый-белый хлеб, пышный, высокий, как бабка. Прихватившись к нему, мы забыли обо всём.

Сильные морозы, снежные метели, а мы одеты относительно легко. Всё, что было из одежды, было на нас.

Началось распределение. Мать решила, что нам лучше поехать к бабушке с бабушкой, которые жили на Урале. Соня решила ехать к старшему брату Юзе в Чимкент, что в южной части Казахстана. Мы попрощались и разъехались в совершенно разные стороны.

Несколько пачек махорки и моя рука в гипсе сыграли свою роль, ибо деньги не имели никакой ценности. Нас ожидала длинная дорога на север Урала, в город Верещагино. Сильный мороз. Нам улыбнулось счастье в поисках транспорта. Нашли санную упряжку в посёлок Очёр. Ехать было двадцать километров, но мы шли пешком, ибо двадцатипятиградусный мороз заставлял нас двигаться. Снежная дорога проходила по покрытому в белое одеяние лесу. Казалось, нет

ей конца. Красиво вокруг, но очень и очень сурово.

К вечеру добрались в Очёр. Встреча получилась печальная и в то же время радостная. Война загнала нас сюда, это печально; но то, что мы собрались вместе, радовало. Кроме детей, плакали все. Много вопросов и уйма ответов.

Дедушка, бабушка и их младшая дочь Рахиль эвакуировались из Бердичева вместе с заводом «Прогресс». Вместе с ними уехала жена младшего брата Яши с двумя девочками, Лилей и Асей. Они проживали все вместе в одном доме, занимая верхний этаж.

Зима 1941 года, сильные уральские морозы, снег высотой до двух метров порой закрывал деревянные срубы от человеческого глаза. Красивая картина: всё в снегу, и лишь крыши домов и дым от топящихся русских печей обозначали местонахождение человеческих душ.

Пару дней нам пришлось тесниться в небольшой избе, пока нас не приютили Поповы, соседи напротив. Они выделили нам комнату. Детей у них не было. С теплом и заботой отнеслись они к семье советского офицера, защищающего свою Родину от немецкого нашествия. Знали они, что мы – жида, как они нас называли, но говорили это с теплом так, чтобы нас не обидеть, и мы привыкли. От них часто можно было слышать слово «жидишься», то есть «жадничаешь». Поначалу было тяжело слышать это, но человек ко всему привыкает, привыкли и мы. Хорошие они были люди. Домашнее тепло оживило нас, и мы начали потихоньку прихо-

дить в себя.

Питались поначалу у Поповых, которые об уплате и слышать не хотели. Мать начала бегать по разным инстанциям, представляющим советскую власть, и, как результат, мне пришлось поставить в сторону галоши, бывшие моей обувью, и надеть битые валенки. Это был праздник, ведь, когда тебе десять лет, дома не сидится, а выйти наружу я не мог — из-за обуви. Стал я ходить на улицу, начал знакомиться с местными ребятами. Чуть позднее пошёл в школу, но, увы, занятия были очень и очень непродуктивные: чувствовалось тяжёлое бремя войны.

Предприимчивость матери позволила нам начать поиски продуктов, которые не покупали, а меняли на вещи. Деньги советские почему-то потеряли достоинство.

Помню наше хождение по домам посёлка, которое кончилось довольно удачно: санки были загружены. Стало темнеть, и мы торопились домой. Проходя по дороге домой мимо громадного озера, повстречались мы со стаей волков. Остановились и не знали, что делать. Мать стала кричать, я ей помогал, но тронуться с места боялись. На наше счастье, неподалёку проезжала упряжка лошадей, везущих за собой сани, гружённые сеном. Мужчина остановился, подобрал нас, усадил на сено и успокоил. Я увидел у него рубжё, которое он вытянул из-под сена, взвёл курок и сделал выстрел. Хищники убежали в сторону озера, покрытого толстым слоем льда.

Тётя Рахиль, химик по специальности, продолжала работать в лаборатории по проверке сухарей, отправляемых на фронт. Именно эти сухари после проверки ей разрешали брать домой. Так что хлеб в доме был.

Помню, с Поповым поехали в лес за берёзовыми вениками, заготовленными весною. Лошадь рысцой тащила сани. Я и хозяин были укрыты мехом. Ехали минут тридцать. Перед нами открылась берёзовая роща, покрытая снегом. У каждого жителя посёлка здесь был свой стог. Набрали веников, уложили на сани, верёвкой перевязали – и в обратную дорогу.

Прогулка была прекрасной, но, увы, далеко не безопасной. Почти при выезде из леса – волчья стая. Хозяин не взял с собой ружьё, ибо было светло. Он не растерялся, хладнокровно сошёл с саней, достал несколько веников и сказал мне:

– Теперича мы их напугаем огнём. Ты держи, сынок, веники и иди со мной рядом. Лошадь будем вести под узду...

Расстояние до изб было небольшим. Зажёг он один веник, и идём мы прямо на стаю. Я несу несколько веников, чтобы подавать их хозяину по его просьбе. Отступили волки, и мы благополучно добрались до дома. По словам Попова, в 1941 году в связи с войной начался массовый убой животных, обитающих в лесах, так как население в короткий промежуток времени увеличилось как минимум втрое. Убой диких животных и необыкновенно снежная зима создали для

хищников тяжёлые условия существования, и были случаи, что волки нападали на людей, чего раньше никогда здесь не бывало. Участились случаи проникновения волков в коровники и свинарники. Звери искали любые пути добыть пищу.

Но вернёмся обратно в сруб. Это был большой дом с прилегающими к нему коровником и свинарником. В стороне, метрах в десяти-двенадцати от дома, стояла парная баня, которая оставила у меня сладкие воспоминания. Пока мы ехали за вениками, жена Попова растопила баню, покрытую снегом. Хозяин и я подошли по очищенной от снега дорожке шириной шестьдесят-семьдесят сантиметров к бане. Попов открыл дверь. Мы вошли.

– Раздевайся в сенях и заходи в баню, – сказал он мне, а сам набрал кружку воды из чана и вылил на разогретые камни.

Волна горячего воздуха обдала тело. В том же чане лежали и мокли веники. Хозяин взял веник, я сделал то же самое. Внимательно следя за движениями Попова, я копировал всё, что делал он, ударяя веником по телу, по рукам и ногам.

– Поднимай, сынок, веник. Пусть жару наберёт, а потом – на тело. Прогревайся, потей. Это очень полезно.

Дышать мне было тяжело, но сдаваться я не хотел. Прошло минут пятнадцать-двадцать, и хозяин скомандовал:

– Беги за мной.

Он открыл входную дверь и плюхнулся в снег. Деваться некуда, я сделал то же самое. Дыхание остановилось. Я чув-

ствовал: моё тело как будто обожгло. Выскочил из снега, а хозяин был уже у двери. Забежали в баню, и опять то же самое. Спросил я его, почему он не мылится. Он глянул на меня ласково и сказал:

– Побереги глаза, сынок. Мыло съест их. Не можно употреблять мыло в парной, – сказал он, облил меня водой из бочки и облился сам.

Мы закончили баниться и вернулись в дом. Тут же за нами направились в баню женщины. Баня была единственным средством борьбы со вшами, а их развелось очень много, была опасность заражения тифом. Таких случаев было много, и немало было смертельных исходов.

Бежали дни, недели, месяцы. Пришла весна 1942 года. Советские органы власти выделили нам участок земли площадью пять соток, и мы по инициативе матери посадили на нём картофельную скорлупу с глазочками. Это было чудо. Вышли ростки из всех лунок. Мы аккуратно обкапывали каждый куст, убирали сорняки, создавая благоприятные условия для прорастания стеблей картошки. Это нужно было видеть – описать тяжело. Каждый куст был громаден, и, как результат, собрали мы восемьдесят пять ведер картошки-американки, рассыпчатой и вкусной. Вложенный труд был оплачен природой.

– Спасибо тебе, Боже, – говорила мать. – Теперь-то от голода мы точно страдать не будем.

Весну и лето проводили в лесу. Черника и земляника, ма-

лина и грибы – вот те дары природы, которыми пользовались мы. Научили нас в малинниках находить пчелиные дома и воровать мёд, укрываясь от укусов насекомых марлей, смоченной в керосине. Вот так у нас появилось варенье из малины и черники. Иногда приходилось встречаться с конкурентом – медведем. И он, бедняга, любит сладкое. Но всё обходилось хорошо. Мы удалялись и наблюдали, как ему, бедолаге, доставалось от пчёл. Он кричал, кряхтел, но упорно добивался своей цели. Грибы сыроежки кушали на месте, а бабки, подосиновики, белые грибы – сушили на зиму.

Я страшно любил и люблю природу. Я всегда чувствовал тягу к ней. На природе я мог проводить очень много времени и всегда находил в ней что-то новое, не опознанное мной.

Рыбалка. Я уже упомянул ранее о большом озере. Так вот, пригласил меня хозяин на рыбалку. Удочки у него были, лодка стояла на берегу. Это была небольшая плоскодонка. Накопали мы червей навозных – и айда.

Раннее утро, тишина. Слышны только переклички птиц. Их пение было призывом к новому дню. Заплыли. Хозяин бросил камень, чтобы лодку не несло, и начали удить. Показал мне хозяин, как червяка надевать на крючок, и не забыл рассказать, как различить самца от самки. Я со всей серьёзностью слушал его рассказ, развесив уши.

– Вот так, – говорит, – берёшь червя и пропускаешь через зубы. Если застрянет, значит, самец, а не застрянет – самка.

Я поначалу поверил ему, приняв всерьёз всё, что он рас-

сказал. Но взять червя в рот не посмел, да и он тоже не искал ни самку, ни самца.

– Так что, не хочешь проверить червя? – спросил он.

Я сообразил и ответил, что для рыбы всё равно, самка или самец. Он рассмеялся.

– Молодец, хорошо ответил.

Он ловил, а я почему-то не мог поймать. Поплавок всё тонет, я подсекаю, как научил меня хозяин, но поймать не могу. Но всё-таки пришла и моя рыба. Карась красивый оказался в лодке, а за ним – карп, ленок, окунь. Прилично поймали.

Обедали вместе. На столе была тройная уха и только что выпеченный ржаной хлеб с убивающим запахом. Хозяйка налила ухи каждому, хозяин нарезал хлеб. Пообедали и отправились отдыхать, кроме меня. Моё место было на улице, в огороде, в коровнике. Я всегда находил себе занятие.

В один из летних дней вдруг прибежали к нам люди и сообщили, что отец приехал. Это был шок. Писем от него давно не было, и мы всегда волновались за отца. И действительно, приехал отец, он был здесь проездом, возвращаясь из госпиталя после ранения на фронт. Он провалялся в госпитале города Фрунзе, но решил нам не сообщать, не волновать нас. Два дня пробыл отец с нами, и эти два дня были сплошными рассказами о том, что происходит на фронте. Многие соседи посещали нас, чтобы получить хоть какую-нибудь информацию. Отец был очень уставшим, хромотал и ходил с пал-

кой. Во время его визита решился вопрос о нашем переезде в Казахстан, в Чимкент, где находился старший брат матери Юзя Добис, начальник городского уголовного сыска.

Прощание с отцом было очень печальным. Во-первых, никто не мог знать, когда закончится война, а во-вторых, нас всех не покидала мысль о том, что отец может погибнуть. Кстати, от него узнали мы, что младший брат его Гриша и старший брат Лёва не успели выйти из окружения Киева и погибли. Светлая им память.

Мы стали готовиться к переезду в Казахстан. Время шло, приближалась зима. Дедушка заболел гангреной. Всё началось с большого пальца ноги. Обратились к местному поселковому врачу. Он-то и определил гангрену. Необходимо было ампутировать палец, но хирурги все в госпиталях. Долго пришлось ждать хирурга. Гангрена интенсивно поднималась вверх, подходя к колену. В один из морозных дней приехал хирург, ампутировал ногу до колена, а затем и выше колена. Мы посещали дедушку в больнице. Рабочий, каменщик, хороший печник, всегда здоровый и весёлый, лежал он в больнице грустный, худой. Из всех внуков больше всего он любил меня. Я чаще всех бывал у него в Бердичеве. Ну и если я знаю немного идиш, то это только благодаря деду.

Я стоял возле больничной койки, а дед, глядя на меня голубыми глазами, сказал:

- Вот я выздоровею, и ты будешь помогать мне ходить.
- Конечно, дедушка, – ответил я. – Только поскорее вы-

здоровливый. Уедем мы в Казахстан, там тепло, там Юзя, он нам поможет.

Да, это был наш последний разговор. Гангрена не оставила деда, и в декабре – в суровый, морозный уральский день – он умер. Нам, детям, не разрешали подходить к умирающему деду, но в день похорон я усадил сестрицу в сани и побрёл с ней в больницу. Я обязан был увидеть деда. И я увидел его в комнате мёртвых. Он лежал на столе, рядом с ним лежала отрезанная часть его ноги. Передать мои чувства в этот момент очень тяжело. Я очень любил деда и был привязан к нему необыкновенной силой. Мать увидела меня, стоящего у стола и со скорбью прощающегося с дедом, приказала увезти сестру домой и ждать, когда все вернутся. Настаивать на своём было бесполезно, и я потянул сани с сестрой домой. Дед ушёл зимой 1942 года. Светлая ему память.

Пробежали несколько месяцев следующего, сорок третьего года. Между нами и роднёй в Чимкенте велась интенсивная переписка, и с наступлением тепла наше семейство поднялось и отправилось в дальнюю дорогу, ведущую в Казахстан, в город на юге республики.

Прощание с посёлком было очень трогательным. Люди приносили нам в дорогу всякую всячину, сало и хлеб, табак и даже самогон. Одной из причин такой заботы и уважения было наше трудолюбие, наша откровенность и прямота, а также, конечно, приезд отца – раненого капитана-орденоносца, вселившего в умы людей правду о евреях, правду о

том, что и евреи воюют, проливают свою кровь рядом с русскими.

Отец командовал батальоном штрафников. Это были в прошлом преступники и головорезы, изъявившие желание воевать вместо отбывания сроков в тюрьме. И они воевали, воевали хорошо. Много рассказывал отец о них, о их подвигах. Это были настоящие патриоты. Бесстрашные, они не щадили свои жизни и постоянно подвергали себя опасности и риску.

Глава 3

Чимкент встретил нас тёплыми лучами солнца. Обилие фруктов на базаре, шашлыки с лепёшками. Глаза разбегались от разнообразия. Новый для меня город; я обязан был познать его, познакомиться с ним, врасти в его среду и жить в нём.

Квартир, конечно, не было, но двоюродный брат Борис, сын Юзи, отыскал на улице Шмидта, 5 общественную кухню, и с боем мы её оккупировали. Когда пришли представители жилищного кооператива и хотели нас выгнать, появился дядя Юзя в милицейской форме. Он не дал выбросить наши вещи.

– Их отец – на фронте, – сказал он. – И если вы, мужчины, посмеете тронуть их вещи, то завтра тоже будете на фронте. Это заставило их задуматься, и они, согласившись с тем, что семье фронтовика нужно помочь, ушли.

Кухня была площадью шесть квадратных метров, печь – напротив двери, окно и кусочек пола стали нашим пристанищем, нашим очагом. Я спал на печи, на шубе, приобретённой с помощью отца, а мать и сестра – на полу, пока им не привезли металлическую кровать.

Я стал ходить в школу. Мне нужно было навёрстывать пропущенный материал, но самым страшным было учить казахский язык. Посещение школы было для меня совсем

некомфортным, и относился я к занятиям с холодком.

Материальное положение наше оставляло желать лучшего. Переезд в Чимкент на некоторое время затормозил получение зарплаты отца, и мы хорошо прочувствовали это. Необходимо было что-то предпринимать. Мать скупила хлебные карточки, получала по ним хлеб, разрезала на куски и продавала на базаре. Я предпочёл занятиям добычу средств к существованию – денег – и нашёл выход. Зимой в Казахстане ночи холодные и люди топят печи дровами, которые были в большом дефиците и стоили дорого. Появилась идея спилить с деревьев сухие ветки и топить печи ими. Уйма тополей и карагачей стояла годами, одаряя людей тенью в летние жаркие дни, а в зимнее время по моей инициативе их сухие ветви давали для отопления. Так я стал потихоньку заготавливать дрова в общем коридоре, и я должен сказать, что проблема отопления была полностью решена.

Аппетит, как говорят, приходит во время еды. Упросил мать купить мне топорик и пилку, и она купила, ибо видела в этом доброе намерение. Я стал профессионально валить сухие ветви деревьев, привлекая к себе публику. Начались заказы, пошли деньги. В доме стало теплее, и уютнее, и сытнее. Дровами пользовались и наши родственники, и соседи, с которыми мы так хорошо подружились. Жить стало лучше, жить стало веселей.

Некоторое время Соня жила у нас. Помню, как она покупала сушёные абрикосы, изюм и прятала их от нас. Я же все-

гда находил упрятанное и потихоньку воровал его. Спрятала Соня однажды изюм в рукав пальто. В рукаве была шёлковая подкладка с резинкой для облегания руки. Когда я нашёл желаемое, тётка ворвалась в помещение и с криком набросилась на меня, но я убежал. Злость её длилась недолго, и я хорошо это знал. Она успокаивалась, и всё становилось на свои места. Любила тётя Соня нас безумно: и меня, и сестру.

Помню, как-то пришла она домой и застала меня на дереве, на самой верхушке тополя. Я как раз сбросил сухую макушку.

– Вадюся, слезай! Слезай, племянник, вниз, слезай, мой хороший! – поговаривала она. – Сейчас мама придёт, будем обедать. Слезай.

Я, закончив работу, засунул топорик и пилку за пояс и медленно стал спускаться. Но стоило моим ногам коснуться земли, как ласки тётки превратились в гнев. Она бежала за мной и кричала вдогонку:

– Подлюка, гадость такая! Ты хочешь меня в гроб раньше времени свести, сволочь? Ты хочешь с дерева упасть, мерзавец? Чтоб ты пропал!

Я убегал, но ненадолго, ибо знал, что Соне необходимо разрядиться от боязни и страха за меня, но не от злости.

Помню, как сбросил большую сухую ветку и ошибся. Она упала на провода и порвала их. Весь квартал остался без электроэнергии. Меня забрали в милицию. Сижу я в коридоре и жду чего-то. Вдруг появился мой дядя.

– Что ты здесь делаешь, Вадик? – спросил он.

Я рассказал ему, как всё было. Он вызвал кого-то и сказал ему отпустить меня домой.

– Ты чего пацана здесь держишь?

Тот хотел что-то сказать, но Юзя прервал его.

– Ты что, не понял, что я тебе сказал?

Меня отпустили, и с тех пор я был очень осторожным в местах, где проходили провода.

Частенько я сталкивался с трудностью, пытаюсь подняться по голому стволу высоких тополей, и решил сделать шест, с помощью которого можно было преодолеть эту трудность. Так вот, выбрал я для шеста стройный молодой тополь и решил спилить его верхушку. Сестру внизу оставил, чтобы в оба смотрела и, как появится милиционер, предупредила меня. Залез я на дерево, а галоши оставил внизу. И надо же было такому случиться, что милиционер подошёл, увидев меня на дереве. Он застал и меня, и сестру врасплох и приказал мне слезть. Я остолбенел вначале от неожиданности, но тут же очнулся и сказал, что не слезу. Тогда он забрал мои галоши и ушёл.

Деваться было некуда. Я слез с дерева. Сестру отправил домой, а сам, следуя за милиционером, дошёл до районного отделения, что находилось рядом с городским озером. Милиционер зашёл в отделение, а я – за ним. Усадил он меня и приказал ждать. Долго я ждал. Никто со мной не говорил. Сажу и жду.

Мать вернулась домой, и сестра рассказала ей о случившемся. Зашла мать в отделение, увидела меня и спросила, сколько я здесь нахожусь. Затем подошла к дежурному и спросила, где начальник. Тот ответил, что нет его.

– Так какого чёрта ты держишь здесь ребёнка голодным? Вы здесь задницы обтираете на стульях. Его отец на фронте воюет, а вы, сволочи, с детьми дело имеете! Сейчас же отпусти ребёнка, или я позвоню брату Добису!

Тот услышал фамилию Добис и тут же освободил меня. Дома я получил хороший выговор, но не остался в долгу перед сестрой. И она получила от меня по заслугам.

Мы жили напротив центрального парка и частенько прогуливались там. Я заходил в помещение, откуда слышались мелодии струнного оркестра. Я попросил мать узнать, можно ли мне посещать занятия этого оркестра. Стоило мне заикнуться об этом, как всё решилось мгновенно. Меня зачислили в оркестр, купили мне балалайку, и я стал заниматься уроками музыки. Сначала теория, затем практика, а как результат, разъезды по колхозам с концертами. Причём мы возвращались домой не с пустыми руками: платили нам различными продуктами. Так я стал музыкантом.

Мать закончила курсы шофёров и перевозила боеприпасы со свинцового завода на железнодорожную станцию. Она зарабатывала, я зарабатывал, также была зарплата отца и дяди Васи Дьякончука, друга отца, который после гибели его жены, тёти Леси, перевёл свою зарплату на нас. Всё это, вме-

сте взятое, создало нам хорошую платформу для питания и даже для приобретения одежды.

Начался 1944 год. Война приобрела новые контуры, но на сей раз уже за пределами СССР. Все твёрдо знали, что немцы будут разбиты, но никто не мог знать когда. Мы продолжали трудиться и жить.

Заболел Юзя. Ранение в 1941 году дало о себе знать. Операция была запоздавшей. Прошло ещё два-три месяца, и состояние Юзи стало катастрофическим. В последние дни его жизни я часто посещал его. Будучи высоким и крепкого телосложения, Юзя всегда рисовался в моём представлении эдаким богатырём, героем в борьбе с преступностью. И вот теперь лежал передо мной человек, дошедший до такого состояния, что не мог застрелиться рядом лежащим револьвером. Силы покинули его, и говорил он только выражением своих глаз. Передо мной лежал высохший человек, покидающий нас, и мы не в состоянии были что-либо предпринять для его спасения. Судьба Юзи была предрешена, и оставалось только терпеливо ждать его смерти. Через несколько дней Юзя умер. Похороны его прошли с большими почестями. Его провожали в последний путь мы, подразделения милиции, руководители многих партийных и государственных предприятий. Ушёл дядя Юзя. Это была наша четвёртая жертва войны. И это был второй по счёту близкий родственник, умерший на моих глазах. Ушёл дед, ушёл Юзя, но память о них осталась во мне на всю оставшуюся жизнь. Я

запомнил их лица, некогда излучавшие так много тепла и заботы.

А жизнь продолжалась, время шло своим чередом. И наступил день, когда стали поговаривать о возвращении на Украину, в Киев, в город, в котором я родился и с которым было связано моё детство. Вначале просто поговаривали, а в один прекрасный день мы собрались и уехали. Дорога была долгой, ехали телятниками, пассажирскими поездами, но твёрдо знали, что мы делаем, и потому терпели. Нас не страшили ни запугивания, ни кражи, ни грабежи. Твёрдой поступью мы приближались к родным местам, освобождённым от фашистского нашествия.

Пришлось нам побывать и в Одессе и повидать разного – хоть и немного, но всё же достаточно. Помню стоящую недалеко от вокзала бричку. На ней сидел старичок и кого-то ждал. К нему подошёл человек, одетый в морскую форму. Два рукава его рубашки болтались в воздухе, указывая на отсутствие двух рук. Он с трудом стоял на ногах и пьяным хриплым голосом приказывал извозчику ехать на Приморский бульвар. Разговор между ними накалил страсти до предела. К моряку на помощь спешил друг, но этот отличался от другого тем, что имел руки, а вот ноги его были полностью ампутированы. Этот, передвигаясь с помощью двух крепких рук, спешил к другу, держа во рту лезвие ножа. Казалось, не миновать беды, но случилось чудо. Из подъезда вышел мужчина. Он был лишён одной руки, а другой при-

держивал портфель. Их разделяли несколько шагов, когда безногий попытался достать ножом извозчика. Мужчина бросил портфель в бричку и единственной рукой толкнул безногого матроса в сторону. В мгновение решился скандал. Один из матросов, увидевший отсутствие одной руки, крикнул:

– Браток, это твоя бричка? Ну так извини нас, не знали мы, извини, пожалуйста.

Так закончилась небольшая картина в большом портовом городе Одессе.

Ещё несколько дней, и мы прибыли в Бердичев, где и решили пробыть до окончания войны. В Киеве нас никто не ждал. Отец в это время воевал в Чехословакии. Прежняя квартира бабушки в Бердичеве была занята, и нам пришлось тесниться в небольшой комнате вместе с бабушкой и тётей Рахиль. Я вновь пошёл в школу, познакомился с ребятами и, конечно, большую часть свободного времени проводил на улице, за городом, на рыбалке, в поисках мин, снарядов и прочих взрывчатых предметов. Ребята играли со смертью, а я – с ними, хотя и был предельно осторожен.

И однажды с одним из близнецов, который обезвреживал мину, случилась беда. Он знал своё дело, но мина всё равно взорвалась. Погиб парень, а ребята, к счастью, были в другом месте. После этого случая и дома, и в школе стали много говорить об опасности, которой подвергают себя мальчишки, и я лично прекратил участвовать в этих мероприятиях.

Город Бердичев, железнодорожная станция. Уйма желез-

нодорожных вагонов, целых и разбитых, сгоревших и перекинутых от интенсивных бомбёжек воюющих сторон. Всё это и очень много другого вызывало у молодёжи интерес и максимум любопытства. Мы отыскиали как-то вагон, гружённый стеклянными колбами с фосфором. Не думая ни секунды, намазюкались мы фосфором и вечером, с наступлением темноты, стали пугать прохожих. Нам нравились дикие крики испуганных людей, проходящих мимо по неосвещённым улицам.

Много времени я проводил на рыбалке. Смекалка наша позволила нам производить леску для ловли рыб из волос конских хвостов. Выбрав лошадь с длинным хвостом, мы, скрываясь от хозяина, выдёргивали самые длинные волосы и из них плели леску. Накопав червей, я рано утром отправлялся к озёрам сахарного завода и просиживал там много времени. Результаты были совсем неплохими. Я приносил карпов, карасей, линей, окуня, частенько приносил и раков, которых ловил на сушёных лягушек. В доме нашем всегда была рыба.

Приближался 1945 год. Немцы терпели поражение за поражением. Каждый день можно было слышать голос диктора Левитана об освобождении городов и других населённых пунктов в европейских странах. Чувствовалось окончание войны, хотя бои ещё продолжались, и были они очень упорными. Это была последняя зима затянувшейся на годы кровавой и очень жестокой войны.

Эшелоны, загруженные солдатами и боевой техникой, проезжали мимо Бердичева на восток, где им предстояло бить японские войска, являющиеся союзниками Германии в развязанной Второй мировой войне. «На восток!», «Смерть японским империалистам!» – таковы были надписи на проходящих вагонах. Многие эшелоны останавливались на несколько часов, и привокзальная площадь превращалась в оживлённое место для веселья и прогулок жителей и военнослужащих. Привокзальный базар стал самым оживлённым местом в городе. Проезжающие военные продавали различные вещи западного производства и, конечно, делали всё для того, чтобы приобрести одну-две бутылки самогона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.